

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ ОРГАНА РАЗВЕДКИ ПРИ ШТАБЕ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Дмитрий Игоревич Петин^{1,2}

¹ Исторический архив Омской области, Омск, Россия

² Омский государственный технический университет, Омск, Россия

^{1,2} dimario86@rambler.ru, SPIN-код (РИНЦ) 9987–3347

Аннотация: В статье приводится впервые в полном виде и анализируется проект создания в феврале 1920 г. органа разведки при штабе Восточно-Сибирской советской армии, действовавшей тогда в Западной части Забайкалья против войск В. О. Каппеля и Г. М. Семенова. Автор публикуемого проекта – организатор спецслужб и авантюрист, этнический чех П. В. Глинко–Апин. Методологической основой исследования послужили принцип системности и антропологический подход. Избранная теоретическая совокупность позволила обзорно охарактеризовать содержательные особенности публикуемого документа, а также личность его автора. Работа может представлять интерес для исследователей Гражданской войны в Сибири и истории российских спецслужб.

Ключевые слова: исторические источники, военное строительство, спецслужбы, военная хитрость, военная разведка, контрразведка, Гражданская война, Народно-революционная армия ДВР, чехи.

Постановка проблемы. Особый пласт историографии Гражданской войны в России составляет изучение данных событий сквозь призму деятельности спецслужб. Как во все предыдущие и последующие периоды, эффективная работа данных структур в ряде случаев даже на точечном участке фронта могла определить исход масштабных военных операций. В связи с этим для полноценного осмысления событий 1918–1922 гг. видится актуальным исследование деятельности органов ВЧК, военной разведки РККА и противостоявшим им аналогичным службам антибольшевистских сил. Это имеет важность и для понимания общественно-политической ситуации не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Данный тезис, в частности, озвучивался в интервью авторитетными академическими историками российских спецслужб А. М. Плехановым и А. А. Здановичем [См., подр.: 1; 2].

Этот аспект рассматривается сегодня с привлечением разнообразных методологических подходов [2, С. 57; 3]. В частности, все более часто мы встречаем «человеческое видение» прошлого в силу произошедшего в исторической науке антропологического поворота и активного развития в текущие десять лет такого междисциплинарного направления, как военная антропология [См., подр.: 4–6]. В наши дни уже отмечены попытки интерпретации Гражданской войны с точки зрения «психологии конфликта» [См. напр.: 7].

К динамичному развитию военно-политических событий в Восточной Сибири в 1920 г. неоднократно обращались академические специалисты. Опреде-

ляющую роль в победе просоветских сил в Забайкалье сыграли повстанческие формирования, которые берут свое начало от иркутского антиколчаковского подполья и партизанских отрядов. Преобразованные сначала в Восточно–Сибирскую советскую армию (ВССА) они стали ядром формирования Народно-революционной армии ДВР весной 1920 г. [См. подр.: 8, С. 209–216].

Изучение начального этапа военного строительства в дальневосточном «буфере» (январь–апрель 1920 г.) – столь скоротечного отрезка – сопряжено с разрозненностью и относительной немногочисленностью источников. Еще большую сложность имеет изучение спецслужб НРА ДВР, вышедших в основе своей из ВССА. Стоит также подчеркнуть, что академическое осмысление деятельности (контр-)разведывательных органов и их сотрудников, действовавших в условиях Гражданской войны, из-за узости источниковой базы, подчас, сводится к возможности лишь к некоей схематической реконструкции. Это объясняется, прежде всего, спецификой службы, негласным характером работы, сложностью доступа к документам и т.п., будучи общими тенденциями изучения данных структур [См. подр.: 9].

Поэтому большое значение для военной истории и истории спецслужб, как часть общей историографии Гражданской войны в России, обретает археографическая деятельность, нацеленная на ввод в научный оборот новых источников, приводимых в архивоведческой традиции с квалифицированным научным комментарием. Аргументом здесь можно назвать и призыв российского академического сообщества активно обнародовать неизвестные документы, что демонстрирует опыт работы в Омске продолжающейся научной конференции «Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие» [См. обзоры: 10–11]. Отсюда вытекает цель нашей работы – опубликовав, проанализировав исторические условия появления в феврале 1920 г. проекта создания органа разведки при штабе ВССА.

Основная часть. Иркутские чекисты 13 мая 1920 г. по указанию СибЧК задержали сотрудника Иркутской инженерной дистанции, 36-летнего этнического чеха Петра (при рождении Богумила) Васильевича Глинко–Апина, который с конца января до начала марта 1920 г. занимал пост начальника разведывательного отдела при штабе ВССА. Этого человека с «непрозрачным» прошлым под конвоем срочно доставили в Омск, инкриминируя службу при белых в чине поручика, в должности начальника чешской контрразведки летом 1918 г. в Самаре. В наиболее веские пункты обвинения входило участие в белом терроре (арестах скрывавшихся бывших советских работников). Подследственный не отрицал факта нахождения в должности, но вины не признал, говоря, что с 1910 г. являлся социал-демократом и действовал исключительно в интересах Русской революции, пытаясь спасти задержанных контрразведкой большевиков, за что сам пострадал от белых властей, проведя несколько месяцев в заключении. В момент антиколчаковского восстания в конце декабря 1919 г. он оказался на свободе, по ходатайству Д. К. Чудинова, соратника по красному подполью, переключился на военно-разведывательную работу в штабе ВССА. По итогам допроса и на основании заключения, вынесенного 30 июля 1920 г. по следственному делу Полномочным представителем ВЧК в Сибири И. П. Павлуновским, Петр Васильевич Глинко–Апин в тот же день был рас-

стрелян в Омске. Прокуратурой Омской области полностью реабилитирован в 1992 г. [См. подр.: 12]. Каверзная и трагическая биография этого авантюриста бесспорно достойна отдельного освещения.

На наш взгляд, важно сказать, что жизненные перспективы человека с подобным весьма неоднозначным прошлым в советском социуме изначально не могли видаться благоприятными. Стоит учесть, что противодействие иностранным спецслужбам с 1920-х гг. выделилось как отдельное направление работы органов ОГПУ, подразумевая контрразведывательные мероприятия, в том числе, выявление потенциально неблагополучных в этом отношении лиц [См. напр., опыт Омского региона: 13, С. 205–238]. Бывшему офицеру бело-чешской контрразведки еще меньше надежд на спокойное бытование в СССР оставило бы последовавшее резкое ужесточение общественно-политической жизни в 1930-е гг. и массовые политические репрессии по национальной линии.

В архивном уголовном деле в отношении Глинко–Апина имеется большое количество разнообразных документов, изъятых у него при аресте иркутскими чекистами. Это технические расчеты по зданиям, личная переписка на русском языке, служебная переписка на чешском языке, списки бывших белых офицеров (среди них вызывают интерес фигуры высокопоставленных генералов, служивших в Военном ведомстве «омского» правительства – Н. Н. Артамонова и А. М. Поспеева [Подр. о них: 14–15]). Немало упоминаний в бумагах и военнопленных-иностранцев (исходя из имен и фамилий – чехов), содержащихся в Иркутске в концентрационном лагере.

Ознакомившись с документами дела, можно сделать вывод о том, что Глинко–Апин, по всей вероятности, был человеком достаточно талантливым и неординарным, обладая такими личностными чертами, как гибкость ума, интеллектуальность, склонность к авантюрам, организаторской и управленческой работе. Так, отдельные материалы армейского делопроизводства отражают деятельность Глинко–Апина на посту руководителя разведки ВССА.

В числе данных бумаг особое внимание вызывал относительно небольшой документ. Им регламентировалось создание при штабе ВССА органа разведки. Ниже приводим данный источник полностью в соответствии с правилами и традициями отечественной археографии. Исходная стилистика и орфография сохранены [12, Л. 95. Машинопись. Подлинник. Автограф].

Автор документа указан, как «Апин». Как свидетельствовал сам Петр Васильевич, именно такую фамилию он взял себе в самом начале 1920 г. по предложению соратников по подполью [12, Л. боб.].

Письмо Начальника разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии в названный штаб

Проект и схема организации разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии

[прифронтовая территория, западнее Верхнеудинска] 20 февраля 1920 г.

Ввиду предполагаемого расширения разведывательного отделения при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии и выделения из такового но-

вого отдельного самостоятельного органа военного контроля, я полагал бы целесообразным провести в жизнь следующий проект по организации разведывательного отделения при штабе армии.

ПРОЕКТ

Во главе разведывательного отделения стоит начальник отделения. Ему подчиняются два помощника. Один, ведающий исключительно войсковой (оперативной) разведкой. Второй ведает разведкой агентурной. Цель войсковой разведки заключается в получении всех необходимых подробных и точных сведений о противнике, о его намерениях, его силах, вооружении и пр. Для выполнения намеченной цели к разведывательному отделению прикомандировываются надежные работники на должности для поручений. На обязанности этих людей ложится систематическая обработка материала, получаемого с фронта.

Для того, чтобы дать по возможности полную картину происходящих мировых событий, разведывательное отделение должно получать радио[сообщения], газеты и прочие периодические издания.

Агентурной разведкой ведает второй помощник, который посылает агентов в сторону противника за линию фронта и получает от них необходимые сведения. Он же является шифровальщиком.

Все делопроизводство и денежная отчетность сосредотачиваются в руках делопроизводителя, которому подчинены для выполнения канцелярских работ два машиниста, один писарь и один журналист.

Для несения боевой разведывательной службы необходима команда вполне подготовленных для этой цели людей, состоящая из начальника команды, фельдфебеля, четырех взводных [командиров], восьми отделенных [командиров], каптенармуса, инструктора, артельщика, фельдшера (классный чин), санитаря, двух писарей и восьми нестроевых [чинов] (фуражиров, уборщиков, кашеваров и др.) и 26 рядовых человек разведчиков.

Начальник разведывательного отделения
при Штабе Восточно-Сибирской Советской армии [П. В. Глинка] Апин

Результаты исследования. Из анализа приведенного выше источника, становится вполне очевидным, что его автор – не случайный человек, прошедший специальную подготовку и (или) обладавший весьма основательным (причем, именно практическим) опытом в деле организации армейской разведывательной деятельности.

Об этом свидетельствуют, как минимум, следующие содержательные моменты проекта. Во-первых, весьма подробно прописана и убедительно аргументирована структура будущего органа разведки. Во-вторых, четко прописан функционал работников. В-третьих, указание служебных категорий и конкретной необходимости личного состава, как по основной деятельности, так и вспомогательных сотрудников. Здесь косвенным аргументом о служебном опы-

те Глинко-Апина правомочно назвать и его прежний чин поручика, предполагавший (даже в условиях боевых действий) общий срок службы в должности офицера порядка полутора-двух лет. В этом случае мы можем предполагать, что в рядах ВССА, бывший чешский контрразведчик, по всей видимости, нашел применение своим знаниям, полученным на службе в Чехословацком корпусе (а скорее всего, еще в годы Первой мировой войны) и в антибольшевистских формированиях. Резонно считать, что в условиях эпохи социальных катаклизмов гражданский инженер, представитель технической интеллигенции – человек, имевший, прежде всего, весьма высокий для тех лет образовательный ценз – вполне мог стать потенциально ценным кадром для руководящего и аппаратного состава спецслужб любого профиля (разведка, контрразведка) и политической принадлежности (чешских, белых, красных).

К текстуально-смысловым особенностям источника можно отнести использование новой орфографии, а также наименование некоторых должностей на традиционный, «старорежимный манер» (например, «фельдфебель», «классный чин») – с ориентиром на Табель о рангах. Подобная служебная градация, хотя и являлась тогда фактическим анахронизмом, но ее применение, очевидно, было вызвано стремлением автора проекта сделать этот документ максимально «понятным» для руководства, еще слишком хорошо помнившего привычные дефиниции. Отметим, что такая делопроизводственная черта была характерна для ранних официальных документов зарождавшейся тогда «буферной» власти [См., напр.: 16, С. 815].

Публикуемый источник подтверждает актуальность активного использования агентов-ходоков для работы, как за линией фронта, так и в прифронтовой полосе. В период Гражданской войны эта особенность, наряду с данной работой, а также одновременным ведением и разведывательных, и контрразведывательных мероприятий любыми подразделениями в пределах своей компетенции было присущей чертой деятельности спецслужб каждой из противоборствовавших сторон [См. подр.: 17, С. 152].

Рассмотренный пример, на наш взгляд, показателен, поскольку позволяет, как сделать доступными неизвестные ранее данные, важные для изучения создания армейской разведки дальневосточного «буфера», так и дополнить многогранный и неоднозначный исторический портрет деятеля спецслужб П. В. Глинко-Апина. При этом «человеческое видение» братоубийственного противостояния 1918–1922 гг. в подобных случаях обогащает представления историков о трагичной эпохе, дополняя привычную для военной истории методологическую формулу «кони и походы», отчасти ограничивающую исследователя в научном поиске, что подчеркивает авторитетный петербургский историк М. В. Ходяков [18, С. 124]. Но, по мнению его землячки, историка и публициста Ю. З. Кантор, определяющую роль в процессе развития исторического знания (прежде всего, по отношению к событиям XX в.) традиционно играет работа архивов [19, С. 13].

Подготовленная нами публикация, внося новые сведения в изучение истории Гражданской войны в России, призвана акцентировать внимание на более

тщательной работе академических специалистов со всеми категориями документов, входящих в состав архивных уголовных дел. И несомненным можно назвать то, что дальнейшее развитие археографического направления историографии российских органов безопасности будет способствовать более полновесному изучению вопроса, а вместе с тем упрощению доступа исследователей к источникам через их квалифицированное широкое научное обнародование.

Список источников и литературы:

1. Плеханов А. М. «Создается впечатление, что мы воспитываем молодое поколение, “не помнящее родства”...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 7–11.
2. Зданович А. А. «Концептуально мы должны писать не о том, как победили, а о том, как на долгом пути воевали и через потери пришли к Великой Победе...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 4. С. 55–61.
3. Сушко А. В. К вопросу об использовании цивилизационного подхода для изучения истории отечественных спецслужб // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: мат–лы междунар. науч.–практ. конф. Омск: ОмГТУ, 2017. С. 215–222.
4. Анфертьев И. А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук: сб. мат–лов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М.: РГГУ, 2011. С. 319–328.
5. Гладышев А. Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
6. Сенявская Е. С. Человек на войне, или Тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
7. Разиньков М. Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 187 с.
8. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М: Центрполиграф, 2005. 415 с.
9. Зданович А. А. К вопросу изучения истории ВЧК–НКВД на современном этапе: полемические заметки // Клио. 2018. № 3. С. 196–205.
10. Стельмак М. М. Главная конференция о революции и Гражданской войне в Омске: итоги научной дискуссии // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 1. С. 57–64.
11. Машкарин М. И. «Смута XX века» в Сибири: взгляд сквозь документальное наследие (историко–архивные конференции в Омске по истории Революции и Гражданской войны в России) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 70–74.

12. Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 4. Д. П–13207.

13. Василевский В. П., Сушко А. В. «Стражи революции»: органы ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск: ОмГТУ, 2017. 280 с.

14. Петин Д. И., Каминский В. В. Генерал-майор Генштаба Н. Н. Артамонов (1872–1937): биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.

15. Петин Д. И. Генерал-майор А. М. Поспеев: страницы служебной деятельности // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 2. С. 386–396.

16. Петин Д. И. «Переход власти к советским организациям выдвигает на первую очередь радикальные перемены в области финансовой политики...»: проект создания Комиссариата финансов в 1920 г. в Иркутске // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 812–835.

17. Кирмель Н. С. Разведывательное обеспечение боевых действий белых армий в Сибири в 1918–1919 гг. // Власть. 2009. № 8. С. 151–153.

18. Ходяков М. В. Ответы на вопросы по истории Гражданской войны в России // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2018. Т. 6. С. 119–124.

19. Кантор Ю. З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Для цитирования: Петин Д. И. Проект создания органа разведки при штабе Восточно-Сибирской советской армии // Деятельность отечественных спецслужб в эпоху социальных катаклизмов: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (19–20 октября 2022 г., Омск). Омск: ОмГТУ. С. 172–178.

Дата поступления статьи: 16.05.2022

Дата одобрения после рецензирования: 27.07.2022

Дата принятия к публикации: 27.09.2022

© Петин Д. И., 2022